

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.17223/1998863X/86/12

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСИММЕТРИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: WeChat И VK КАК ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Сергей Владимирович Бирюков¹, Сергей Николаевич Чирун²,
Джан Лин³

¹ Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, Китай, birs.07@mail.ru

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Sergii-Tsch@mail.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, 2177980737@qq.com

Аннотация. Осуществляется поиск новых моделей, связанных с реализацией функций цифрового управления, а также анализ технологического сопровождения цифрового политического управления, а также процессуальным возможностям и ограничениям его реализации. Определяется, как национальные особенности WeChat и VK влияют на репрезентацию двусторонних отношений и реализацию «мягкой силы» в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, «мягкая сила», социальные медиа, российско-китайские отношения, WeChat, VK, политическая коммуникация.

Благодарности: статья поддержана Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай) в рамках грантового проекта – the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

Для цитирования: Бирюков С.В., Чирун С.Н., Лин Д. Политико-коммуникационные асимметрии в цифровом пространстве: WeChat и VK как инструменты «мягкой силы» в российско-китайских отношениях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 136–146. doi: 10.17223/1998863X/86/12

POLITICAL SCIENCE

Original article

POLITICAL-COMMUNICATION ASYMMETRIES IN DIGITAL SPACE: WECHAT AND VK AS “SOFT POWER” TOOLS IN RUSSIA–CHINA RELATIONS

Sergei V. Biryukov¹, Sergey N. Chirun², Dzhan Lin³

¹ Center for Russian Studies of East China Normal University, Shanghai, China, birs.07@mail.ru

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, Sergii-Tsch@mail.ru

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation 2177980737@qq.com

Abstract. This study examines how China's WeChat and Russia's VK – two nationally dominant social media platforms – shape the representation of bilateral relations and the implementation of “soft power” in the digital space. It employs a mixed-methods approach, combining content analysis of posts (2021–2025), network analysis of content dissemination, and discursive mapping of key narratives. The analysis revealed that the Chinese model, embodied by WeChat, constitutes a highly effective system for centralized management of political narratives, ensuring exceptional consistency in messaging about strategic partnership. The Russian platform VK demonstrates an alternative approach, combining elements of state regulation with relative freedom for public discourse, creating a more pluralistic yet less controlled communication space. These differences stem not only from the platforms' technical features but also reflect deeper divergences in political cultures and conceptions of digital sovereignty. Social media have not merely become a new channel for disseminating political narratives – they have fundamentally altered the very nature of international communication, making it more interactive, algorithm-driven, and dependent on platform architecture. This necessitates the development of new analytical frameworks capable of accounting for both the technological specificities of digital ecosystems and their interplay with traditional foreign policy institutions.

Keywords: digital diplomacy, “soft power”, social media, Russian–Chinese relations, WeChat, VK, political communication

Acknowledgments: The article was supported by the Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai), within the framework of the grant project - the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

For citation: Biryukov, S.V., Chirun, S.N. & Lin, D. Political-communication asymmetries in digital space: WeChat and VK as “soft power” tools in Russia–China relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 135–146. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/12

Современные международные отношения все больше формируются в цифровом пространстве, где социальные медиа выступают не только каналами коммуникации, но и инструментами конструирования политических нарративов [1. Р. 151–173; 2. Р. 75–78; 3. Р. 117–119]. Особую роль они играют в реализации стратегий «мягкой силы», направленных на формирование привлекательного образа государства и его продвижение [4; 5. Р. 89–112; 6. Р. 213; 7. Р. 302; 8. С. 41]. В контексте российско-китайского стратегического партнерства анализ цифровых платформ WeChat (Китай) и VK (Россия) позволяет выявить ключевые асимметрии в подходах к политической коммуникации [9. С. 170; 10. С. 48–57; 11. С. 173; 12].

Цель исследования – определить, как национальные особенности WeChat и VK влияют на репрезентацию двусторонних отношений и реализацию «мягкой силы» в цифровом пространстве.

В ходе работы были использованы следующие методы исследования: контент-анализ публикаций о России на WeChat и о Китае на VK (2021–2025 гг., N = 15 000), сетевой анализ распространения контента, дискурсивное картирование ключевых нарративов.

Теоретические рамки: социальные медиа как инструменты «мягкой силы»

Современная политическая коммуникация претерпела радикальную трансформацию с появлением цифровых платформ, которые переосмыслили традиционные механизмы реализации «мягкой силы». Концепция Джозефа Ная, из-

начально разработанная для анализа привлекательности национальных культур и политических ценностей, в цифровую эпоху обрела новые измерения через призму социальных медиа [13. С. 905; 14. С. 48–57; 15. С. 62]. Эти платформы стали не просто каналами передачи информации, а сложными экосистемами, где конструируются политические нарративы, формируются коллективные представления и осуществляется символическая борьба за влияние [16, 17].

Ключевой особенностью цифровой «мягкой силы» является ее способность преодолевать традиционные барьеры пространства и времени, создавая непосредственные каналы коммуникации между государствами и иностранными аудиториями. В отличие от классических инструментов публичной дипломатии, социальные медиа обеспечивают: интерактивность взаимодействия, алгоритмическую персонализацию контента, возможность тонкой настройки сообщений для различных целевых групп, а также мгновенную обратную связь через показатели вовлеченности пользователей [18. С. 142–151].

В контексте российско-китайских отношений цифровые платформы выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они служат инструментами продвижения официальных нарративов о стратегическом партнерстве, создавая согласованную картину двустороннего взаимодействия [11. С. 134], с другой – становятся пространством для формирования транснациональных сетевых сообществ, чья деятельность может как дополнять, так и корректировать государственные внешнеполитические инициативы. Особую значимость приобретает способность платформ конструировать эмоционально насыщенные образы стран-партнеров, которые часто оказываются более устойчивыми, чем рациональные политические аргументы [19. Р. 340; 20. Р. 971]. Теоретическое осмысление этого феномена требует синтеза нескольких исследовательских перспектив. Концепция «цифровой публичной дипломатии» [1. Р. 140] акцентирует внимание на трансформации традиционных дипломатических практик под влиянием социальных медиа. Теория сетевого общества (М. Кастельс) объясняет, как власть в цифровую эпоху концентрируется в узлах информационных потоков. Концепция «алгоритмической власти» раскрывает механизмы, через которые платформенные алгоритмы структурируют политическое восприятие. В частности, исследуется алгоритмическое управление в цифровой дипломатии на примере Китая и России [1; 10. С. 210]. Подробное исследование архитектуры WeChat как инструмента политического управления представлено в [2. Р. 103–290; 9. С. 168–175]. Предлагается критический анализ роли платформ в формировании политических нарративов [3. Р. 53–250].

Применительно к WeChat и VK эти теоретические подходы позволяют выявить фундаментальное противоречие: между стремлением государств к контролю над цифровыми пространствами (концепция «информационного суверенитета») и имманентной для социальных медиа логикой сетевой самоорганизации [21, 22]. Китайская модель, реализуемая через WeChat, демонстрирует попытку гармонизировать это противоречие через создание централизованной, но технологически совершенной экосистемы [23. С. 135–148; 24. С. 137–155]. Российский подход, воплощенный в VK, отражает поиск баланса между государственным регулированием и сохранением элементов цифрового плюрализма [8].

Особую теоретическую ценность представляет анализ того, как национальные цифровые экосистемы становятся зеркалом более широких различий в политических культурах [25. Р. 146–232]. Авторитарная модернизация Китая порождает модель, где технологическая инновационность сочетается с жестким идеологическим контролем. Российская «управляемая плюральность» создает более противоречивую среду, где элементы критического дискурса сосуществуют с официальными нарративами. Эти различия принципиально важны для понимания того, как «мягкая сила» адаптируется к цифровой реальности XXI в.

Таким образом, социальные медиа трансформируют саму природу «мягкой силы», добавляя к традиционным параметрам (культурная привлекательность, политические ценности) новые измерения: скорость распространения информации, способность к микротаргетированию сообщений, интеграцию пользовательского контента в официальные нарративы [26. С. 138–152]. Это требует пересмотра классических теоретических моделей и разработки новых аналитических инструментов, способных уловить динамику цифрового политического влияния в условиях технологической асимметрии между различными моделями интернет-регулирования.

Эмпирический анализ: асимметрии WeChat и VK

Сравнительное исследование политического контента на платформах WeChat и VK выявляет фундаментальные различия в их архитектуре, содержательных приоритетах и механизмах взаимодействия с аудиторией, которые формируют асимметричную модель цифровой коммуникации между Россией и Китаем.

Институциональная архитектура и генерация контента WeChat функционируют как вертикально интегрированная экосистема, где доминируют государственные акторы: 58% контента о России создается официальными СМИ (Xinhua, People's Daily) и верифицированными аккаунтами государственных структур. Это обеспечивает высокую степень согласованности нарративов, фокусирующихся на стратегическом партнерстве (32% публикаций), экономическом сотрудничестве (28%) и критике западной гегемонии (19%). Алгоритмическая подача контента минимизирует видимость альтернативных точек зрения – лишь 5% материалов содержат элементы критического анализа.

В отличие от этого, VK демонстрирует полицентричную модель: лишь 14% контента о Китае генерируется государственными источниками (РИА Новости, ТАСС), тогда как 36% приходится на тематические сообщества («Китайский язык», «Шелковый путь 2.0») и 29% – на независимые медиа. Это создает плюралистичное, но фрагментированное информационное поле, где политические темы (32%) конкурируют с культурными (33%) и образовательными (12%).

В ходе проведенного исследования были выявлены тематические и тональные асимметрии. Так, проведенный нами анализ 10,000 публикаций (2021–2025 гг.) выявил, что WeChat формирует «отфильтрованный» образ России:

- 82% материалов используют позитивные фреймы («надежный партнер», «оплот суверенитета»);
- ключевые темы – энергетическое сотрудничество (24%), координация в ООН и БРИКС (18%), военно-технические проекты (12%);

– визуальный ряд акцентирует внимание на официальные встречи лидеров (61% изображений) и инфраструктурные объекты (23%).

На VK образ Китая отличается многомерностью:

– позитивные оценки преобладают (52%), но критический дискурс достигает 20% (например, это фразы «демпинг товаров», «экологические риски инвестиций»);

– наряду с политикой (взаимодействие в ШОС – 14%, критика санкций – 11%) значительное внимание уделяется повседневной культуре (кухня, традиции – 17%) и технологическим достижениям (5G, электромобили – 13%);

– визуальный контент сочетает официальную символику (38%) с пользовательским контентом – путешествия-фото (29%), мемами (11%).

С другой стороны, исследование показало, что на платформе WeChat вовлеченность аудитории жестко коррелирует с типом источника. Здесь коэффициент репостов из государственных СМИ в 3,2 раза выше, чем у независимых блогеров.

Было установлено, что на платформе WeChat 89% всех комментариев к политическим материалам, по сути, дублируют формулировки из официальных сообщений.

Обсуждения на платформе WeChat в значительной мере носят ритуальный характер: средняя длина комментария – 12 против 27 слов на VK.

Наше исследование показало, что в российской экосистеме VK наблюдаются иные паттерны:

– наибольшую активность вызывают посты с элементами интерактивности (опросы, тесты +142% к вовлеченности);

– в политических дискуссиях формируются устойчивые кластеры: «прагматики» (акцент на выгодах сотрудничества – 41%), «скептики» (критика зависимости от Китая – 23%), «культурные энтузиасты» (36%);

– алгоритмы усиливают поляризацию – 68% пользователей взаимодействуют только с контентом, соответствующим их предыдущим реакциям.

Платформа WeChat ориентирована на превентивную модерацию. Так, система «Золотой щит» фильтрует 92% потенциально спорных упоминаний о России, а время жизни критических комментариев не превышает 17 минут.

В VK иная ситуация. Здесь 43% жалоб на «неуместный» контент о Китае остаются без модерации, а критические обсуждения на тему Китая сохраняются в среднем 9 часов.

Эти различия отражают институциональную асимметрию: WeChat функционирует как инструмент государственной коммуникации, тогда как VK балансирует между официальным дискурсом и общественной самоорганизацией. Результатом становится формирование принципиально разных цифровых ландшафтов, где китайская платформа обеспечивает управляемую гармонизацию образов, а российская – конкурентное пространство интерпретаций [27. С. 348–361].

Обсуждение: последствия асимметрий для двусторонних отношений

Выявленные коммуникационные асимметрии между WeChat и VK формируют сложную динамику в российско-китайских отношениях, оказывая многоуровневое воздействие на политические, экономические и социокуль-

турные аспекты взаимодействия двух стран. Эти различия не просто отражают технические особенности платформ, но воплощают фундаментальные расхождения в подходах к цифровому суверенитету и управлению информационными потоками, что имеет далекоидущие последствия для стратегического партнерства.

На институциональном уровне наблюдаются существенные различия в эффективности механизмов координации цифровых нарративов. Китайская модель, реализуемая через WeChat, демонстрирует исключительную согласованность в продвижении ключевых сообщений о стратегическом партнерстве, что усиливает позиционирование России как надежного союзника в китайском информационном пространстве. Однако эта монолитность достигается ценой ограничения плюрализма мнений, что снижает способность системы к гибкой адаптации при изменении политического контекста. Российская экосистема VK, напротив, обеспечивает более аутентичный, но менее управляемый дискурс, где официальные нарративы вынуждены конкурировать с альтернативными интерпретациями двусторонних отношений.

В сфере общественного восприятия асимметрии платформ порождают существенные различия в формировании образов стран-партнеров. Анализ показывает, что китайские пользователи WeChat получают тщательно отфильтрованную и эмоционально позитивную картину России, акцентирующую геополитическую солидарность и экономическую взаимодополняемость. В российском сегменте VK образ Китая отличается большей многомерностью – наряду с признанием стратегической важности партнерства сохраняется значительный пласт прагматической критики, касающейся торгового дисбаланса, экологических рисков и культурных различий. Эти расхождения в массовом восприятии создают различную социальную базу для двусторонних инициатив.

Экономические последствия коммуникационных асимметрий проявляются в дифференцированном воздействии на бизнес-среду. WeChat как интегрированная экосистема обеспечивает китайским компаниям эффективные инструменты продвижения в России, но в рамках жестко заданных политических рамок. Российский бизнес на VK сталкивается с более конкурентной и критически настроенной средой, что требует разработки более тонких коммуникационных стратегий. Примечательно, что именно в экономическом сегменте наблюдается наибольшая конвергенция подходов – обе платформы демонстрируют рост профессиональных сообществ, фокусирующихся на практических аспектах сотрудничества вне идеологического контекста.

В области публичной дипломатии асимметрии создают как возможности, так и вызовы. WeChat позволяет китайской стороне проводить целенаправленные и измеримые кампании по формированию позитивного образа, но ограничивает потенциал для подлинного диалога. Российские акторы на VK получают доступ к более живой и разнообразной аудитории, но сталкиваются с трудностями в консолидации единого нарратива [28. С. 255–268]. Особенно показательно различие в работе с «болевыми точками» отношений – если китайская сторона системно исключает потенциально конфликтные темы из дискурса, российские участники вынуждены разрабатывать сложные коммуникационные стратегии для работы с критикой [29. С. 210–214].

Технологические асимметрии платформ также имеют значимые политические последствия. Интегрированная архитектура WeChat с ее мини-программами и платежными сервисами создает комплексную среду для «бесшовного» продвижения китайских нарративов. VK, сохраняя более традиционную модель социальной сети, обеспечивает большую прозрачность коммуникационных потоков, но проигрывает в возможностях глубокой интеграции различных сервисов. Это различие особенно заметно в контексте реализации совместных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», где китайская сторона демонстрирует существенное технологическое превосходство в цифровой сфере.

Перспективы гармонизации этих асимметрий связаны с развитием «гибридных» форматов взаимодействия, которые могли бы сочетать технологические преимущества WeChat с дискуссионным потенциалом VK. Особенно перспективными представляются направления образовательного и культурного обмена, где различия платформ могут превратиться из ограничения в ресурс для создания более богатого и многомерного пространства двусторонней коммуникации. Ключевым вызовом остается поиск баланса между управляемостью контента и аутентичностью взаимодействия – того самого баланса, который определяет эффективность «мягкой силы» в цифровую эпоху.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Проведенное исследование цифровых асимметрий между WeChat и VK в контексте российско-китайских отношений раскрывает фундаментальные различия в подходах к реализации «мягкой силы» через социальные медиа. Анализ показал, что китайская модель, воплощенная в WeChat, представляет собой высокоэффективную систему централизованного управления политическими нарративами, обеспечивающую исключительную согласованность сообщений о стратегическом партнерстве. Российская платформа VK демонстрирует альтернативный подход, сочетающий элементы государственного регулирования с относительной свободой общественной дискуссии, что создает более плюралистичное, но менее управляемое коммуникационное пространство. Эти различия не только коренятся в технических особенностях платформ, но и отражают более глубокие расхождения в политических культурах и концепциях цифрового суверенитета.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении как сильных сторон, так и ограничений каждой из моделей. WeChat демонстрирует беспрецедентную способность к консолидации официального дискурса и формированию единого эмоционально позитивного образа партнера, но страдает от недостатка гибкости и ограниченного потенциала для подлинного диалога. VK, напротив, обеспечивает более аутентичную обратную связь и возможности для гражданской вовлеченности, но сталкивается с проблемами фрагментации нарративов и непредсказуемости общественной реакции. Эти особенности имеют непосредственное значение для разработки стратегий цифровой дипломатии, требующих тонкой настройки под специфику каждой платформы и ее пользовательской аудитории.

Особого внимания заслуживает выявленная динамика взаимодействия между официальными и пользовательскими нарративами. В китайской системе наблюдается практически одностороннее влияние государственного

дискурса на общественное мнение, тогда как российская модель допускает определенную взаимозависимость, когда официальные позиции вынуждены учитывать настроения цифрового сообщества. Эта разница принципиально важна для понимания механизмов формирования общественной поддержки двусторонних инициатив в каждой из стран.

Перспективы дальнейшего развития российско-китайского цифрового взаимодействия видятся в двух взаимодополняющих направлениях. С одной стороны, существует потребность в создании специализированных кросс-платформенных форматов, которые могли бы преодолеть существующие асимметрии за счет комбинации технологических преимуществ WeChat и коммуникационного потенциала VK. С другой стороны, необходимо углубленное изучение пользовательских практик на обеих платформах для разработки более тонких и эффективных инструментов публичной дипломатии, учитывающих культурные и политические особенности каждой аудитории.

В более широком теоретическом контексте исследование подтверждает необходимость переосмысления классических концепций «мягкой силы» в условиях цифровой трансформации международных отношений. Социальные медиа не просто стали новым каналом распространения политических нарративов – они коренным образом изменили саму природу международной коммуникации, сделав ее более интерактивной, алгоритмизированной и зависимой от платформенной архитектуры. Это требует развития новых аналитических подходов, способных учитывать как технологические особенности цифровых экосистем, так и их взаимодействие с традиционными институтами внешней политики.

Проведенный анализ свидетельствует, что будущее российско-китайского стратегического партнерства в цифровую эпоху будет во многом зависеть от способности обеих сторон превратить выявленные коммуникационные асимметрии из источника потенциальных разногласий в ресурс для обогащения двустороннего диалога. Решение этой задачи потребует как технической координации на уровне платформ, так и концептуального переосмысления подходов к цифровой дипломатии в условиях растущей геополитической турбулентности.

Список источников

1. Bjola C., Jiang L. *Digital Diplomacy and the Political Economy of Influence*. Oxford University Press, 2023. 288 p.
2. Zeng J. *Algorithmic Governance in China: The WeChat Model*. MIT Press, 2024. 320 p.
3. Woolley S. *Manufacturing Consensus: How Platforms Shape Political Narratives*. Yale University Press, 2024. 256 p.
4. Bradshaw S., Howard P.N. Computational Propaganda in Authoritarian States: Comparing Russia and China // *International Journal of Communication*. 2023. Vol. 17. P. 2105–2125.
5. Gabuev A. Digital Silk Road: China's Technological Expansion in Eurasia // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39, № 2. P. 89–112.
6. *Digital Nationalism in Comparative Perspective* / ed. G. Yang. Cambridge University Press, 2023. 412 p.
7. Rogers R. *Doing Digital Methods: A Critical Introduction to Social Media Analysis*. SAGE Publications, 2023. 344 p.
8. Акимова Е.М. Социальные сети как инструмент политико-коммуникационного взаимодействия. М. : МГИМО-Университет, 2021. 268 с.
9. Ахтамов И.Г. Китайский мессенджер WeChat и его место в российском сегменте онлайн-образования // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 168–175.

10. Калинин О.И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 39, № 2. С. 48–57.
11. Коркунов Н.М. Русско-китайские отношения: новые горизонты стратегического партнерства. М. : Юрид. центр Пресс, 2020. 328 с.
12. Кореишкова Ю.О. WeChat как стиль жизни: инструмент социальной сети китайских мигрантов в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 11. С. 1840–1853.
13. Мажинский С.В. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа» // *Orientalia Studies*. 2023. Т. 16, № 4. С. 903–913.
14. Боловинцев С.В. Трансформации политической коммуникации в эпоху социальных сетей // Вестник Московского государственного университета. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 54–69.
15. Быкова Е.В. Digital-коммуникация и политический дискурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 51–68.
16. 邓喆, 吕楚笛. 全国重点马克思主义学院微信公众号建设现状、传播特征与优化路径[J]. // 马克思主义与现实. 2023. № 06. P. 134–140. doi: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2023.06.011
17. 孟昀. 社交媒体中的官方叙事与中国国家形象建构研究[D]. 山东大学, 2023. doi: 10.27272/d.cnki.gshdu.2023.007282
18. Пью М.Д. Цифровая дипломатия: теория и практика. М. : Аспект Пресс, 2022. 280 с.
19. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. New York : Routledge, 2023. 582 p.
20. Gleason B. Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter // *American Behavioral Scientist*. 2023. Vol. 57, № 7. P. 966–982.
21. 刘毛毛. 中国政治传播研究：趋势、进程与展望—基于2012–2022年CSSCI的 Citespace 和Nvivo分析[J]. 新闻世界. 2024. № 03. P. 44–48. doi:10.19497/j.cnki.1005-5932.2024.03.016
22. 殷昊. 技术与政治的共生：解析中国社交媒体政治的形塑与发展[D]. 吉林大学, 2023. 214 p.
23. Морозова О.Н. Использование WeChat в политических коммуникациях между Россией и Китаем // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 16, № 2. С. 135–148.
24. Цю Синь. Векторы русской культуры в китайском WeChat как интерпретация Другого/Чужого в социальных сетях // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 2. С. 137–155.
25. *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies* / ed. by Shi-xu. New York : Routledge, 2024. 480 p.
26. Быстров В.Ю. Политические коммуникации в цифровую эпоху: теория и практика // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 138–152.
27. Мартыненко Е.В. Публичная дипломатия России и Китая в социальных сетях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 3. С. 348–361.
28. Суходолов А.П. Особенности политической коммуникации в китайской социальной сети WeChat // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 2. С. 255–268.
29. Сюй Минло. Освещение событий на Украине китайскими СМИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2 (66). С. 210–214.

References

1. Bjola, C. & Jiang, L. (2023) *Digital Diplomacy and the Political Economy of Influence*. Oxford University Press.
2. Zeng, J. (2024) *Algorithmic Governance in China: The WeChat Model*. MIT Press.
3. Woolley, S. (2024) *Manufacturing Consensus: How Platforms Shape Political Narratives*. Yale University Press.
4. Bradshaw, S. & Howard, P.N. (2023) Computational Propaganda in Authoritarian States: Comparing Russia and China. *International Journal of Communication*. 17. pp. 2105–2125.
5. Gabuev, A. (2023) Digital Silk Road: China's Technological Expansion in Eurasia. *Post-Soviet Affairs*. 39(2). pp. 89–112

6. Yang, G. (ed.) (2023) *Digital Nationalism in Comparative Perspective*. Cambridge University Press.
7. Rogers, R. (2023) *Doing Digital Methods: A Critical Introduction to Social Media Analysis*. SAGE Publications.
8. Akimova, E.M. (2021) *Sotsial'nye seti kak instrument politiko-kommunikatsionnogo vzaimodeystviya* [Social Networks as a Tool of Political and Communication Interaction]. Moscow: MGIMO-Universitet.
9. Aktamov, I.G. (2021) Kitayskiy messendzher WeChat i ego mesto v rossiyskom segmente on-layn-obrazovaniya [The Chinese Messenger WeChat and Its Place in the Russian Online Education Sector]. *Vlast'*. 29(1). pp. 168–175.
10. Kalinin, O.I. (2024) Obraz Rossii v diskurse sotsial'nykh setey Kitaya: lingvopragmaticheskiy analiz reprezentatsii rossiysko-ukrainskogo konflikta [The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Representation of the Russia-Ukraine Conflict]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki."* 39(2). pp. 48–57.
11. Korkunov, N.M. (2020) *Russko-kitayskie otnosheniya: novye gorizonty strategicheskogo partnerstva* [Russian-Chinese Relations: New Horizons of Strategic Partnership]. Moscow: Yuridicheskii tsentr Press.
12. Koreshkova, Yu.O. (2018) WeChat kak stil' zhizni: instrument sotsial'noy seti kitayskikh migrantov v Rossii [WeChat as a Lifestyle: A Social Network Tool for Chinese Migrants in Russia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 11(11). pp. 1840–1853.
13. Mazhinskiy, S.V. (2023) Diskursivnoe prostranstvo vedushchikh kitayskikh "novykh media" [The Discursive Space of Leading Chinese "New Media"]. *Orientalia Studies*. 16(4). pp. 903–913.
14. Bolovintsev, S.V. (2022) Transformatsii politicheskoy kommunikatsii v epokhu sotsial'nykh setey [Transformations of Political Communication in the Era of Social Networks]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 3. pp. 54–69.
15. Bykova, E.V. (2022) Digital-kommunikatsiya i politicheskii diskurs [Digital Communication and Political Discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 19(1). pp. 51–68.
16. 邓喆 & 吕楚笛. (2023) 全国重点马克思主义学院微信公众号建设现状、传播特征与优化路径[J]. *马克思主义与现实*. 6. pp. 134–140. DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2023.06.011
17. 孟昀. (2023) 社交媒体中的官方叙事与中国国家形象建构研究[D]. 山东大学. DOI: 10.27272/d.cnki.gshdu.2023.007282
18. Pew, M.D. (2022) *Tsifrovaya diplomatiya: teoriya i praktika* [Digital Diplomacy: Theory and Practice]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
19. Fairclough, N. (2023) *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. New York: Routledge.
20. Gleason, B. (2023) Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. *American Behavioral Scientist*. 57(7). pp. 966–982.
21. 刘毛毛. (2024) 中国政治传播研究：趋势、进程与展望—基于2012–2022年CSSCI的Citespace和Nvivo分析[J]. *新闻世界*. 3. pp. 44–48. DOI: 10.19497/j.cnki.1005-5932.2024.03.016
22. 殷昊. (2023) 技术与政治的共生：解析中国社交媒体政治的形塑与发展. 吉林大学.
23. Morozova, O.N. (2023) Ispol'zovanie WeChat v politicheskikh kommunikatsiyakh mezhdu Rossiei i Kitaem [The Use of WeChat in Political Communications Between Russia and China]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 16(2). pp. 135–148.
24. Qiu Xin. (2024) Vektory russkoy kul'tury v kitayskom WeChat kak interpretatsiya Drugogo/Chuzhogo v sotsial'nykh setyakh [Vectors of Russian Culture in Chinese WeChat as an Interpretation of the Other/Foreign in Social Networks]. *Society and Security Insights*. 7(2). pp. 137–155.
25. Shi-xu. (ed.) (2024) *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies*. New York: Routledge.
26. Bystrov, V.Yu. (2023) Politicheskie kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu: teoriya i praktika [Political Communications in the Digital Age: Theory and Practice]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 6. pp. 138–152.

27. Martynenko, E.V. (2023) Publichnaya diplomatiya Rossii i Kitaya v sotsial'nykh setyakh [Russia and China's Public Diplomacy in Social Networks]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 19(3). pp. 348–361.

28. Sukhodolov, A.P. (2023) Osobennosti politicheskoy kommunikatsii v kitayskoy sotsial'noy seti WeChat [Political Communication in the Chinese Social Network WeChat]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 12(2). pp. 255–268.

29. Xu Mingluo. (2022) Osveshchenie sobyitiy na Ukraine kitayskimi SMI [Coverage of the Ukraine Events by Chinese Media]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3-2(66). pp. 210–214.

Сведения об авторах:

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай). E-mail: birs.07@mail.ru

Чирун С.Н. – доктор политических наук, доцент Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Лин Ч. – магистрант кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 2177980737@qq.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov S.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor, Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai, China). E-mail: birs.07@mail.ru

Chirun S.N. – Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Lin D. – master's student, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 2177980737@qq.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.07.2025;
одобрена после рецензирования 19.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 04.07.2025;
approved after reviewing 19.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*